

Вяземский П.П.

**Слово о Полку Игореве.
Исследование о вариантах**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
В99

В99 **Вяземский П.П.**
Слово о Полку Игореве. Исследование о вариантах / Вяземский П.П. – М.:
Книга по Требованию, 2012. – 284 с.

ISBN 978-5-4241-7850-4

ISBN 978-5-4241-7850-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВВЕДЕНІЕ.

Въ 1813 году 13 декабря гр. Мусянъ-Пушкинъ на запросъ Калайдовича, по поводу Слова о Шльку Игоревѣ, сообщилъ ему: „Пѣснь Игорева писана на лощеной бумагѣ въ концѣ лѣтописи довольно чистымъ письмомъ; по почерку письма и по бумагѣ должно отнести оную переписку къ концу XIV или къ началу XV в. Подлинникъ хотя довольно яснымъ характеромъ писанъ, но разобрать его было весьма трудно потому, что не было ни правописанія, ни строчныхъ знаковъ, ни раздѣленія словъ, въ числѣ коихъ множество находилось неизвѣстныхъ и вышедшихъ изъ употребленія. Прежде всего надобно было текстъ раздѣлить на періоды, а потомъ добираться до смысла.“

Подлинникъ, до его истребленія, ниѣли въ рукахъ оба сотрудника гр. Мусяна-Пушкина: Н. Н. Вантышъ-Каменскій и А. Ѳ. Малиновскій; кромѣ того, разсматривали этотъ памятникъ: А. И. Ермолаевъ, Н. М. Карамзинъ, Р. Ѳ. Тимковскій и И. Н. Болтинъ. Изъ издателей А. Ѳ. Малиновскій говоритъ весьма положительно, что „подлинная рукопись, съ которой печатали первое изданіе *буква въ букву*, принадлежала къ концу XIV в.“ Весьма важно свидѣтельство А. И. Ермолаева, что „подлинникъ писанъ полууставомъ XV в.“ (см. Сахарова, Пѣсни Р. народа ч. V. Спб. 1839. стр. 172).

Строгій и безпристрастный цѣнитель палеографическихъ работъ, Востоковъ, въ запискѣ своей 1821 года, рекомендуетъ митрополиту Евгенію А. И. Ермолаева: „Ваше Высокопреосвященство совѣтуете мнѣ издать прежде грамматики славянской палеографію; но на сей важный трудъ посвятилъ себя общій нашъ пріятель П. И. Кеппенъ,

который и может съ большимъ, противъ другаго, успѣхомъ совершить оный, сколько по неутомимому рвенію и прилежанію своему къ таковымъ занятіямъ, столько же по изобилію матеріаловъ, какіе онъ уже на сей предметъ собралъ и еще собрать можетъ въ своихъ путешествіяхъ. Я знаю еще одного человѣка, который, можетъ быть, всѣхъ способности былъ бы издать палеографію русскую, — это А. И. Ермолаевъ. Но обстоятельства службы, непріязненные для ученыхъ занятій, давно уже отвлекаютъ его отъ любимыхъ сихъ трудовъ его, къ величайшей потерѣ для науки отечественныхъ древностей.“

Карамзинъ, разсматривавшій Сборникъ Пушкинскій, не изъявилъ ни малѣйшаго сомнѣнія; и хотя не утвердилъ вѣка рукописи, но самое сочиненіе отнесъ къ письменнымъ памятникамъ XII вѣка (см. И. Г. Р. III. Спб. 1842. стр. 131): „Слово о Полку Игоревѣ сочинено въ XII вѣкѣ, и безъ сомнѣнія міряниноу: ибо монахъ не дозволилъ бы себѣ говорить о богахъ языческихъ и приписывать имъ дѣйствія естественныя.“

По словамъ Тимковскаго, „Карамзинъ увѣрялъ Калайдовича, что по сдѣланному имъ, Н. М. Карамзинымъ, сличенію, оказалось, что пѣснь о походѣ кн. Игоря *со всею точностію* напечатана противъ подлинника, выключая выраженія вѣчи Трояни, вмѣсто котораго въ подлинникѣ стоятъ сѣчи Трояни. Касательно же поставленнаго въ скобки слова „Ольга“, на стр. 6, то это учинено для большей ясности рѣчи.“ Н. С. Тихонравовъ, приводящій эти слова, ссылается на Сынъ Отечества 1839. т. VIII. отд. IV. стр. 15—20.

Лихорадочное, тревожное состояніе Калайдовича въ его отношеніи къ Слову о Пѣлѣ Игоревѣ заставляетъ неволью сомнѣваться въ точности его словъ. Варіантъ „сѣчи“ и „вѣчи“ не важенъ, и обозначаетъ одно и то же; нѣтъ основанія предполагать, чтобы издатель измѣнилъ букву в на с. Скорѣе можно предполагать, что Карамзинъ предпочиталъ слово „сѣчи“, а Калайдовичъ этимъ воспользовался, чтобы набросить тѣнь на добросовѣстность издателя. — Болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы вставка „Ольга“ сдѣлана

издателями произвольно: въ печатномъ и архивномъ текстахъ прямо сказано, что это древняя приписка на полѣ рукописи. — Враждебное отношеніе Калайдовича къ памятнику XII столѣтія весьма понятно, хотя и неизвинительно: онъ не имѣлъ чести быть издателемъ памятника XII столѣтія; изданные имъ памятники обращали на себя меньшее вниманіе; самый значительный памятникъ: „Бесѣды Кирилла Туровскаго“, очевидно, не принадлежитъ, по языку, не только къ XII столѣтію, но и къ до-московской письменности.

Калайдовичъ, какъ замѣчаетъ Дубенскій, у коего я заимствую вышеизложенныя свѣдѣнія, началъ свои изслѣдованія о вѣкѣ рукописи въ 1813 г., уже тогда, когда она сгорѣла во время Московскаго пожара. Еслибы онъ видѣлъ рукопись въ подлинникѣ, какъ увѣряетъ г. Сахаровъ (Пѣсни Русск. народа V. стр. 172): то не зачѣмъ ему было обращаться къ гр. Мусину-Пушкину, а еще менѣе къ содержателю типографіи Селивановскому съ вопросами о времени, когда, на чемъ и какъ писано Слово о Полку Игоревѣ. Калайдовичъ, между тѣмъ, первый сталъ увѣрять, что оно принадлежало къ XVI в., писано почеркомъ Бѣлорусскимъ, а по словамъ Селивановскаго — схожимъ съ почеркомъ Дмитрія Ростовскаго, значить, скорописью. Г. Сахаровъ дѣльно замѣтилъ, что „полууставъ и Бѣлорусскій почеркъ даютъ совершенно различныя понятія о рукописи“.

Голословное заподозриваніе, выраженное Калайдовичемъ, есть положительное обвиненіе Мусина-Пушкина, Малиновскаго, Бантышъ-Каменскаго и Ермолаева въ завѣдомомъ обманѣ, а Карамзина — въ укрывательствѣ обмана. Неправильно было бы заподозривать и Селивановскаго въ намѣренной лжи: скорѣе предполагать можно, что ему удалось мимоходомъ, во время своихъ сношеній съ гр. Мусинымъ-Пушкинымъ, видѣть одну изъ статей Сборника, писанную, весьма можетъ быть, скорописью. Я слышалъ отъ дочерей и отъ внуковъ гр. Мусина-Пушкина, что на Сборникъ этотъ все семейство смотрѣло какъ на святыню.

Самое показаніе типографщика С. А. Селивановскаго, пере-

данное не съ дипломатической точностію Калайдовичемъ, подтверждаетъ Бѣлорусскій оттѣнокъ, замѣченный современниками въ рукописи: „она написана точно въ книгѣ, какъ сказано въ предисловіи, Бѣлорусскимъ письмомъ, не такъ древнимъ, похожимъ на почеркъ Димитрія Ростовскаго.“ Объяснить всѣ несообразности, сгруппированныя Калайдовичемъ въ приводимыхъ имъ самимъ показаніяхъ, можно только состояніемъ человѣка, желающаго унижить значеніе чужаго труда.

Бѣлорусское правописаніе или Бѣлорусскій оттѣнокъ рукописи не даетъ права предполагать, чтобы сочинитель Слова былъ Бѣлорусъ. Однако, какъ уже мною замѣчено было въ Исслѣдованіи о Словѣ о Пльбу Игоревѣ, нельзя не замѣтить, что судьба Полоцкаго Княжества есть задушевная мысль поэта, и потому довольно правдоподобно его близкое отношеніе къ Западному Русскому краю. Вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣнно и то, что въ немъ отражаются оттѣнки: Новгородскій, Южно-Русскій и Восточный, Тюрко-Русскій, Половецкій. Типъ подобнаго многообразнаго Русскаго человѣка существуетъ и нынѣ, и конечно не въ меньшей мѣрѣ существовалъ среди междоусобій и войнъ XII столѣтія. Что касается до языка, на коемъ написано Слово, то всего правильнѣе смотрѣть на него, какъ на языкъ древне-Церковный Словенскій, общій племенамъ южнымъ и сѣвернымъ, западнымъ и восточнымъ, отражающій въ себѣ разнообразныя оттѣнки, порознь встрѣчающіеся въ современныхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ племенъ, и воспринимавшій въ себя формы живой рѣчи, принадлежавшія въ то время разнымъ племенамъ, какъ это проявляется весьма замѣтнымъ образомъ въ нашихъ лѣтописяхъ, особенно въ Ипатьевской лѣтописи, какъ это замѣчено было первыми ея издателями.

Въ числѣ признанныхъ за подложныя рукописи упоминается рукопись г. Актова, о которой Императорскому Обществу исторіи и древностей далъ первое извѣстіе г. Діевъ. „Вѣроятно, она изъ числа тѣхъ, замѣчаетъ Дубенскій, о которыхъ упоминаетъ Москвитянинъ

(№ 3. 1841 г. стр. 245), — работы А. Бардина. Но известно, что онъ списывалъ съ печатнаго текста, почему рукописи его не стоятъ вниманія любителей“. Подобная или одна изъ этихъ рукописей находится въ Москвѣ, въ Румянцовскомъ музеѣ, а другая у г. Зайцевскаго, въ Москвѣ же. Не смотря на то, что рукописи эти признаны подложными, до сихъ поръ остаются неизвѣстны основанія этого приговора. Не сомнѣваясь въ основательности этого приговора, все еще остается невольно сомнѣнiе — дѣйствительно ли эти копии всѣ сдѣланы съ печатнаго текста и какіе на то имѣются факты. Но и въ случаѣ, если копии дѣйствительно сняты съ печатнаго текста, тѣмъ не менѣе могутъ быть весьма любопытны ухищренія, придуманныя искусными поддѣльщиками для введенія собирателей въ заблужденіе. Также остается совершенно необъясненнымъ — въ чемъ заключаются признаки, по коимъ эти копии причисляются къ подлогамъ, а не къ новѣйшимъ копіямъ. Есть много уставныхъ и полууставныхъ рукописей, которыя новы и даже современны намъ, но отнюдь не подложны. Въ обзорѣни литературы Слова о Пльку Игоревѣ Смирновъ (Филологич. Записки. Воронежъ. 1875. VI.) упоминаетъ о заявленіи П. М. Строева касательно видѣннаго имъ у А. Ѳ. Малиновскаго пергаменнаго свитка XIV столѣтія, содержащаго текстъ Слова о Пльку Игоревѣ. Заявленіе П. М. было сдѣлано имъ въ 1815 году, въ его обзорѣни Славяно-Россійской Миеологіи. Нельзя не пожалѣть, что наши палеографы не сообщили публикѣ своихъ наблюденій надъ этимъ свиткомъ. Показанія современниковъ о Бѣлорусскомъ почеркѣ слишкомъ опредѣлительны и согласны, чтобы возможно было ихъ отвергать; а потому слѣдуетъ искать разъясненія правописанія „Слова о Пльку Игоревѣ“ и въ древнѣйшихъ памятникахъ Бѣлорусскаго письма, упоминаемыхъ Востоковымъ, и даже въ книгахъ напечатанныхъ въ Западной Россіи.

Бѣлорусскій или Волынскій (также Польско-Русскій) полууставъ въ Прологѣ XVI вѣка, № 324; въ рукописи Іоанна Лѣствичника XVI — XVII в., № 203; Октоиха XVI — XVII в.,

№ 290; Житій свв. XVII в., № 159; — полууставъ XVII вѣка на древнѣйшихъ рукописяхъ Тріоди постной, № 439; Іоанна Златоуста, № 197; — полууставъ и скоропись Бѣлорускаго письма того же времени въ Поученіяхъ № 315.

Бѣлорусскою скорописью писаны рукописи Слово Максима Грека XVII вѣка, № 265; Пролога XVII вѣка, № 325; Сборника XVII вѣка, № 376; Кормчей 1700, № 239 и болѣе древней рукописи XVII вѣка, № 372.

Востоковъ въ „Разсужденіи о Славянскомъ языкѣ“ причисляетъ Слово о Пльку Игоревѣ, вмѣстѣ съ Русской Правдой, къ древнему Русскому языку. Онъ говоритъ, на стр. 7: „замѣчавшіе большую разность между древнимъ Русскимъ языкомъ, коего остатки находятъ въ Русской Правдѣ и въ Слово о Пльку Игоревѣ и пр., и между Церковно-Славянскимъ, разумѣли, конечно, подъ симъ послѣднимъ языкъ печатныхъ *церковныхъ* книгъ. Они бы не сказали того о древнемъ церковномъ Славянскомъ“.

Мнѣніе Востокова весьма важно въ вопросѣ о древности языка, какимъ написано Слово о Пльку Игоревѣ, хотя не было бы надобности въ свидѣтельствѣ авторитета для рѣшенія столь простаго и очевиднаго вопроса, если бы у насъ не укоренилось столь глубоко, жѣтко отмѣченное Востоковымъ, недоразумѣніе относительно языка печатныхъ церковныхъ книгъ, признаваемаго за древній. — Мнѣ сдается, что Востоковъ и его послѣдователи, подъ влияніемъ этого общаго недоразумѣнія, неправильно отдѣляютъ древній письменный языкъ Русскихъ памятниковъ отъ древне-Церковно-Словенскаго, признаваемаго Востоковымъ совершенно гадательно за древне-Болгарскій. Присутствіе отгѣнковъ Русскихъ, Болгарскихъ и Сербскихъ въ рукописяхъ древне-церковныхъ не даетъ права, на основаніи отличій въ правописаніи, признавать отдѣльные литературные языки. Вліяніе жѣстнаго выговора и живой рѣчи на языкъ литературный несомнѣнно; но это вліяніе, какъ бы оно сильно ни было, не измѣняетъ еще сущности самаго языка. Церковно-Словенскій языкъ существовалъ въ Русской

письменности до Петра Великаго въ испорченномъ видѣ, и былъ замѣненъ живой Русской народной рѣчью, всегда существовавшею отдѣльно отъ книжнаго языка, пока она сама не сдѣлалась языкомъ литературнымъ.

Г. Тихонравовъ, въ изданіи Слова для учащихся (изд. 2-е. Москва. 1863), возобновилъ сомнѣнія Калайдовича относительно времени рукописи, предполагая, что она писана скорописью. Главная точка опоры—это близкое сходство буквъ *з* и *ѣ*, *ѣ* и *ь*, *ы* и *ѣ*, въ скорописи XV—XVII столѣтія.

Изъ приводимыхъ имъ примѣровъ сходства этого не замѣтно, хотя въ скорописи почти все возможно находить, чего желаешь; но именно буква *ѣ* имѣетъ свой характеръ, и по мѣрѣ того, какъ *з* становится похожъ на нынѣшнюю *ѣ*, эта послѣдняя буква все болѣе и болѣе подымается вверхъ и становится одной изъ наиболѣе замѣтныхъ буквъ, такъ что часто по буквѣ *ѣ* отгадываешь черезъ-чуръ неразборчиво написанное слово. Однимъ словомъ, въ одной и той же рукописи однообразнаго *з* и *ѣ* мы, не смотря на поиски наши, не встрѣчали. Относя рукопись къ скорописи второй половины XV столѣтія и позже, г. Тихонравовъ приводитъ весьма неразборчивые примѣры изъ скорописи конца XVII и второй половины XVI столѣтія, изъ коихъ впрочемъ отнюдь не видно, чтобы *ѣ* легко смѣшиваема была съ *з* и *ы*. — Въ сопоставленіи же *з* и *ѣ*, по палеографическимъ снимкамъ преосвященнаго Саввы, г. Тихонравовъ избираетъ для того черезъ-чуръ широкое поприще отъ 1493 по 1653 г. и смѣшиваетъ рукописи разныхъ временъ, мѣстъ и лицъ. Здѣсь дѣйствительно первый *з* похожъ на первую изъ пяти *ѣ*; но принадлежать ли эти два начертанія одной и той же рукописи, объ этомъ не упоминается, хотя это условіе весьма существенное; во всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами рукописяхъ однообразнаго начертанія буквъ *з* и *ѣ* въ одномъ и томъ же памятникѣ мы не встрѣчали.

И. И. Срезневскій, въ одномъ заявленіи въ Имп. Академіи Наукъ, отвергаетъ предположеніе г. Тихонравова, какъ неосновательное; од-

нако замѣчаетъ, что попытка эта дѣло хорошее и полезное. Я вполне раздѣляю это мнѣніе нашего знаменитаго палеографа. Точка отправленія Н. С. Тихонравова была крайне неправильна: онъ начинаетъ съ того, что, не имѣя никакихъ данныхъ, отвергаетъ всѣ свидѣтельскія показанія; но на этомъ вымышленномъ основаніи онъ дѣлаетъ выводы весьма вѣрные и вовсе не нуждающіеся въ основномъ его предположеніи. Большая часть его замѣтокъ и чтеній основана на предполагаемыхъ имъ весьма разумно надстрочныхъ знакахъ.

Въ Словѣ о Плѣку Игоревѣ, по сличеніи первопечатнаго текста съ архивнымъ спискомъ, который изданъ покойнымъ Пекарскимъ, оказывается, что въ обоихъ согласно 24 окончанія на ь третьяго лица единственнаго и множественнаго числа настоящаго, прошедшаго несовершеннаго и будущаго времени. — Окончаній на з этихъ формъ глагола въ обоихъ текстахъ согласно 22. — Окончаніе на т безъ глухой гласной въ возвратномъ видѣ 5, въ обоихъ текстахъ согласно. — Затѣмъ остается 38 формъ глаголовъ, оканчивающихся на з въ первомъ изданіи и замѣненныхъ въ изданіи Пекарскаго ь. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что, при разногласіи этихъ двухъ текстовъ, всякій разъ, что въ первомъ изданіи встрѣчается ь (всего пять разъ), въ текстѣ по изданію Пекарскаго находится, всякій разъ безъ исключенія, з: въ первомъ изданіи скачють, бѣжить, текуть, кають, зоветь; въ архивномъ текстѣ совершенно противоположно, несмотря на явное предпочтеніе къ ь, всѣ пять разъ стоитъ з. Объяснить эту діаметральную противоположность случайностію едвали позволительно.

Въ 46 случаяхъ обѣ полугласныя въ древней рукописи были помѣнены явно и вполне; въ остальныхъ же 38 случаяхъ нетрудно угадать, что въ рукописи находились два знака, замѣняющіе глухія гласныя: одинъ знакъ, представляющій прямую черту $\bar{\quad}$ и другой болѣе или менѣе дугообразный $\hat{\quad}$, часто встрѣчающіеся въ древнѣйшихъ и позднѣйшихъ рукописяхъ. При сличеніи обоихъ текстовъ весьма ясно обнаруживается, что при обѣихъ транскрипціяхъ господствовали

два мнѣнія относительно этихъ двухъ формъ надстрочнаго знака. Гр. Мусинъ-Пушкинъ, во время своего пребыванія въ Петербургѣ, до 1797 года, при представленіи копій императрицѣ Екатеринѣ II, признавалъ въ 36 знакахъ одной и той же формы ѷ. Впослѣдствіи Гр. Мусинъ-Пушкинъ и его Московскіе сотрудники, съ 1797 по 1800 годъ, признавали одинъ изъ надстрочныхъ знаковъ, чаще (36) повторяемый, за з, и наоборотъ, рѣже встрѣчающійся знакъ за ѷ. Такимъ образомъ въ Москвѣ установилось чтеніе диаметрально противоположное Петербургскому, въ отношеніи прямолинейнаго и дугообразнаго надстрочнаго знака. Два слова „повѣдаютъ“ и „летитъ“ первопечатнаго изданія въ архивномъ спискѣ сохранили повѣдаю и летѣи.

На основаніи этихъ двухъ примѣровъ возможно опредѣлить, что Московскіе издатели признавали правильнымъ окончаніемъ тз; но весьма неосновательно ихъ заподозривать въ произвольномъ измѣненіи текста: ибо они въ 24 случаяхъ сохранили окончаніе ть. Изъ всего этого мы можемъ весьма основательно заключить, что въ Пушкинской рукописи встрѣчались слѣдующія формы:

1) ждеть, крычатъ, брешутъ, мръкнетъ; всего 22.

2) звенить, ржутъ, править, трубятъ; всего 24.

Такимъ образомъ, въ случаяхъ, гдѣ между обоими чтеніями не существуетъ различія, почти столько же окончаній на ѷ, какъ и на з.

3) възбиваѣ, рыкаю, кличѣ; всего 36 разъ, съ дугообразной чертой надъ т.

4) зовѣ, скачю, бѣжи, текѣ, каю; всего 5 разъ, съ прямой чертой надъ т.

5) повѣдаю, летѣи; такъ въ Арх. сп., въ печ. текстѣ оба раза з.

И. И. Срезневскій (Древ. Слав. пам. юсоваго письма. Спб. 1868 г. Сборникъ ст. Имп. Ак. н. III, на стр. 153. 174) говоритъ:

„Чаще всего видимо смѣшеніе глухихъ гласныхъ, выражаю-

щеея или неправильнымъ и непослѣдовательнымъ ихъ употребленіемъ одной вмѣсто другой, или исключительнымъ употребленіемъ одной изъ нихъ вмѣсто другой. Изъ рукописей этого послѣдняго отдѣла исключительнымъ употребленіемъ одного *ъ* отличаются Евангельскіе листы Ундольскаго XI вѣка, Паремейникъ Григоровича, 1-й почеркъ Слѣпченскаго Апостола; а исключительнымъ употребленіемъ *ь* Македонскій листокъ XI вѣка, Евангельскіе листы Ундольскаго XII—XIII вѣка, Дечанскій псалтирь и поученія Ефрема Сирина XIV вѣка. Изъ рукописей, въ которыхъ употреблены и *ъ* и *ь*, менѣе всего неправильностей въ ихъ употребленіи находится въ Новгородскихъ Евангельскихъ листахъ XI вѣка; но и въ нихъ встрѣчается *ъ* вмѣсто *ь*, и на оборотъ, какъ въ коренныхъ созвучіяхъ, такъ и въ окончаніяхъ; въ другихъ же рукописяхъ XI вѣка и болѣе позднихъ количество неправильностей неисчислимо. Нерѣдко въ одной и той же рукописи на одной и той же страницѣ одно и тоже слово написано и съ *ъ* и съ *ь*.“

Dr. F. Miklosich (Lehre der Conjugation im Alt Slovenischen. Wien. 1849. ausd. I. B. der Denkschr. der Ph. und Hist. C. der K. Ac. der Wiss. стр. 5):

„Der Character der III Singular. *тъ*, der sich in *сѣти* (inquit) vollständig erhalten, fällt selbst in sehr alten Handschriften häufig ab: *навлаѣ*, *бѣде*, *бесѣдоуѣ*, *пѣтаѣ*, *хѣште*, *пѣтаа*, *подобаа*, *исхаждаѣ* cod. Suprasl. — *охоудѣѣ* hom. 289. — *повѣдоуѣ* ibid. 226. — *проповѣдаѣ* ibid. 228. — *послоухоуѣ* ibid. 180. — *праздѣноуѣ* ibid. 99. — Seltener ist dieses in der III Plural der Fall: *начѣнѣ* (incipient) cod. Suprasl. — *слѣпи* прозираѣѣ, *писана* бываѣѣ cod. Assem. Dafür nehmen manche Verba in der III Singular, seltener Plural Aorist und Imperfect *тъ* an: *жить* Triod. — *обитѣ*, *питѣ*, *приятѣ*, *сѣнѣтъ*, *начѣтъ*, *оумрѣтъ*, *стенашѣтъ* Georg. mon. — *моуждашѣтъ* Ostrom. 279. а. в. — *оучашѣтъ*, *глаголашѣтъ*, *имашѣтъ*, *помилвашѣтъ*, *родѣшѣтъ* и пр. aus Nestor und Annal. Ipat. angeführt von šaf. čas. mus. česk. 1847. 158 et seqq. *могашѣтъ* Annal.